

«ТЯГА ЗА ТЕКСТ»: ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ

И. Э. Клюканов¹

¹ Восточный университет штата Вашингтон
99004, США, Чини (Вашингтон), 5-я улица, 526
Поступила в редакцию 12.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2

В статье определяется понятие текста и кратко обсуждаются связанные с ним понятия речи и дискурса. Показано, как текст рассматривается в рамках гуманитарных наук, при этом особое внимание уделяется структурно-семиотическому и герменевтическому подходам. Отмечаются как отличия этих подходов друг от друга, так и то общее, что можно увидеть в их осмыслении текста. Постулируется, что философский подход стремится к наиболее максимальному выходу за текст, но не уходит от текста. Гуманитарный и философский подходы к тексту разграничиваются на основании их разных методов. Особо отмечается синтезирующая роль языка при философском подходе к тексту. В заключение предлагается обратить внимание на «науку о коммуникации», в рамках которой осмысляется сообщение в целом.

Ключевые слова: текст, семиотика, герменевтика, философия, феноменология, метод, язык.

1. Понятие текста все больше привлекает внимание философов, получая при этом, однако, самые различные осмысления. Так, оно выступает синонимичным понятию «слово», когда обсуждается «существование слова (текста)», а также рассматривается в виде «некой априорной идеи (пратекста)» (Соболевская, 2004, с. 266). Текст трактуется как «диалог между автором, читателем и культурным контекстом» (Руднев, 1997). Иногда вся философия рассматривается как вербальный текст (Дурилов, 2019). В то же время утверждается, с одной стороны, что «философию можно назвать искусством работы с текстами» (Кудряшов, 2018), а с другой — что «философия изучает не тексты, а отношение к текстам» (Качай, 2017). Кроме того, в ряде работ наряду с текстом говорится о философском дискурсе: так, Б. Гройс пишет, что философия может быть охарактеризована как производство, распространение и потребление дискурса, создающего эффект универсальной самоочевидности, указывая при этом, что данный эффект должен исходить из философских текстов (Groys, 2012). Учитывая подобный разноречивый в осмыслении понятия текста, можно с сочувствием отнестись к утверждению, что, хотя «в современной философской мысли понятие “текст” приобрело исключительно важное и широкое значение», однако «этим словом может быть поименована практически каждая вещь, попадающая в сферу внимания современного мыслителя» (Анисин, 2002). Необходимо, таким образом, определить понятие текста и ряд понятий, с ним связанных.

2. В каждой ситуации мы имеем дело с речевыми актами, каждый из которых — конкретное высказывание, «индивидуальный акт воли и понимания» (Соссюр, 1933, с. 19). В отличие от речи, которая всегда индивидуальна, дискурс носит интерсубъективный характер. Можно считать, что истоки дискурса — в межличностном общении, парадигматическим случаем которого выступает диалог. В то же время важно помнить, что дискурс носит социальный характер; когда дискурс определяют как речь, погруженную в жизнь, то под «жизнью» здесь следует иметь в виду прежде всего общественную жизнь, так как «его характерной чертой является существенная политическая, социальная и моральная нагруженность» (Касавин, 2008, с. 354). Дискурс — это прежде всего обмен мнениями, открытый анализу и оценке со стороны. Именно в процессе дискурса принимаются или отвергаются те или иные нормативные установки и устанавливаются правила общественного поведения. В этом смысле то, что Юрген Хабермас называет «идеальной речевой ситуацией», на самом деле — сфера дискурса.

В отличие от речи (как индивидуальных актов) и дискурса (как социального процесса дискутирования), текст — это «безлично-объективистское повествование, уже отчужденное от автора» (Касавин, 2008, с. 362). О подобном отчуждении от автора говорил Платон, критически относясь к письму. Соответственно, «понятие текста в строгом смысле неприменимо к условиям бытования устных... жанров словесности. В фольклоре нет фиксированных текстов как таковых, поскольку песни и сказки, передаваясь из уст в уста, трансформируются в ходе их восприятия и распространения» (Эпштейн, 2017, с. 417). Так, говорят об «устных преданиях» (Авдеев, 2009, с. 119), а не о текстах; здесь слово «предание» хорошо передает то, что подобная словесная форма еще не является полностью отчужденной от автора, поскольку означает переходящий от поколения к поколению рассказ о былом, предполагающий личностные аспекты повествования. Текст, в свою очередь, принято осмысливать как «графически зафиксированное» (Лотман, 1994, с. 203) смысловое целое, например художественное произведение. Учитывая различные способы фиксации, следует рассматривать текст как цепочку знаков, объединенных различными видами связи (лексической, грамматической, логической) в некое смысловое целое и зафиксированное на каком-то «материальном носителе» (Алексеев, 2006, с. 16).

3. Текст традиционно считается основным объектом изучения гуманитарных наук. Гуманитаристика — «это цикл наук, ориентированных больше на изучение текстов, чем людей и сообществ, стоящих за этими текстами» (Поселягин, 2012). В этом плане, например, «филология — область гуманитарного знания, имеющая своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа — текст» (Степанов, 1997, с. 592). Гуманитаристика изучает процесс культивирования человека — то, как создается и что собой представляет культура. Гуманитарные науки изучают различные произведения, созданные человеком, а поскольку «дух не может быть дан как вещь», то о нем можно говорить «только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» (Бахтин, 1979, с. 283). Иными словами, дух — это произведение (для) человечества.

Разумеется, произведениями следует считать не только произведения так называемых «художественных искусств», но любые произведения, в которых живет человеческий дух. В этом смысле интерес для гуманитарных наук представляют произведения как Микеланджело, так и Ньютона (ср. McKeon, 1994, p. 5). Например, «когда у Бора спрашивали, может ли алгоритм квантовой механики рассматриваться как в какой-то мере отражающий лежащий в основе квантовый мир, Бор отвечал: “Нет никакого квантового мира. Есть только абстрактное квантово-физическое описание. Неверно думать, что задача физики состоит в том, чтобы открывать, что собой представляет природа. Физику интересуется, что мы можем сказать о природе”» (см.: Petersen, 1985, p. 305). Если же, как это делает Ж. Деррида, расширить понятие текста до понятия письма, которое всегда предстает онтологически иным, то текст можно представить как ткань, состоящую из различающихся следов: тогда всю культуру можно рассматривать как один постоянно переписываемый текст.

4. Несмотря на фиксированный характер текста, даже при структуралистском взгляде, который, казалось бы, должен быть направлен на выявление его внутреннего устройства, часто «текст мыслится не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции» (Лотман, 1992, с. 179). При таком подходе текст предстает уже в виде отношения «между адресатом, адресантом, сигналами текстuality и системой» (Золян, 2016, с. 74). В этом же духе один из основных пунктов философии текста, который мы находим в «Словаре культуры XX века», звучит следующим образом: «текст не описывает реальность, а вступает с ней в сложные отношения» (Руднев, 1997, с. 305). Тем самым внимание исследователей выходит за рамки простого наблюдения того, как «физико-биологический слой фактов, присутствующий в тексте» позволяет увидеть роль факторов, «детерминирующих устройство и функционирование текста» (Манаков, Москальчук, 1999, с. 21), таких, например, как повторяемость, ритмичность и пропорциональность (Москальчук, Манаков, 2014). Текст понимается уже не просто как смыслопорождающий механизм, а как организм и «мыслящее устройство» (Золян, 2016, с. 87). В этом плане «философию текста» можно представить как способность текста философствовать, в отличие, например, от «лингвистики текста», поскольку текст не может *лингвистировать.

Такое осмысление природы текста основывается прежде всего на структурно-семиотических идеях Ю. Лотмана, поскольку он «парадоксальным образом переворачивает привычные представления: уже не текст отражает работу ‘вырабатывающего сообщения’ сознания адресата, а, наоборот, адресат, подключаясь к тексту, приводит в действие сознание» (Золян, 2016, с. 87). Между тем Ю. Лотман отмечал, что «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и породить новые» (Лотман, 1992, с. 132). Как мы видим, речь идет не столько об организме, который мыслит (создает смыслы), сколько об устройстве, кото-

рое хранит и трансформирует различные коды. Подобное «переворачивание привычных представлений» мы находим и у Ч. Пирса, который выделял интерпретанту как иной способ представления объекта, благодаря чему процесс семиозиса приобретает характер бесконечного взаимоперевода знаков, то есть как бы некое «мыслящее устройство». Между тем следует помнить, что «интерпретанта это не интерпретатор, т. е. тот, кто получает и толкует знак» (Эко, 1998, с. 53). Именно поэтому У. Эко сравнивает текст с ленивой машиной, которая требует от читателя приложить усилия для того, чтобы она работала: иными словами, только так текст (а на самом деле — «тот, кто получает и толкует знак») осуществляет интерпретацию (Есо, 2011, р. 38).

5. Итак, текст не только подлежит анализу, но и предполагает интерпретацию. Герменевтический подход обычно связывают с исследованием письменных текстов, в отличие от риторики, истоки которой лежат в изучении устного обращения к аудитории. Соответственно, если объект социальных наук — это дискурс, который не может быть частным, то природа письма лежит в основе гуманитарных наук, которые изучают тексты.

Можно вспомнить, что письмо с самого начала использовалось не только в общественных целях (например, для записи законов), но для сугубо частных нужд, ср. различные посвящения, проклятия, надписи на надгробьях, граффити и т. д. (Lewis, 1996, р. 126).

Герменевтика как таковая восходит к операциям комментирования уже существующего текста. Так, начиная со Средних веков тексты Священного Писания как *Sacra Pagina* стали включать диакритические комментарии, целью которых было способствовать пониманию отдельных слов и фраз. Подобные комментарии требовали знаний грамматики, риторики и т. д.: так стали оформляться свободные искусства, предполагавшие уже описание как попытку понимания текста (Jaroszynski, 2007, р. 87). С герменевтической точки зрения текст становится значимым лишь в процессе его активной и всегда культурно обусловленной интерпретации. В этом плане известную формулировку Ж. Деррида «Нет ничего вне текста» можно уточнить: «Нет ничего вне *интерпретации* текста». Не случайно, кстати, самого Ж. Деррида считают «всеохватывающим толкователем» («a comprehensive hermeneuticist») (Smith, 2006, р. 39).

Принято считать, что интерпретация носит форму диалога читателя с текстом: только так мы можем понять других людей и себя, а значит, что такое человек в целом. Между тем интерпретация как диалог — это стертая метафора: дело в том, что текст (как опосредованный смысл) отчужден от автора и поэтому недоступен для вопрошания. Как говорил Сократ о письменных сочинениях, мы лишь думаем, «будто они говорят как разумные существа» (Платон, Федр, 275e). Можно упомянуть критику «диалогизма», который якобы имеет место между текстом и его интерпретатором. Например, для М. Гаспарова диалогично только незафиксированное слово; поэтому он критически относился к понятию диалогизма применительно к идеям М. Бахтина (Гаспаров, 2004). Когда говорят, например, о «диалоге с Пушкиным» или «диалоге меж-

ду культурами или эпохами», то это следует понимать скорее метафорически. Живой диалог может быть с тем, кого можно о чем-то спросить и кто может нам ответить; между дискурсом (как проявлением социума) и текстом (как выражением культуры) есть существенное различие: «чтобы понять дискурс, можно задать вопрос говорящему», тогда как «понимание... текста требует “вопрошания контекста”, контекстуализации письма» (Касавин, 2008, с. 362).

6. Структурно-семиотический подход может привести к трактовке текста как смыслопорождающего организма. Показательно, что пишет об идее культуры как совокупности текстов А. Пяигорский, который принял участие в ее разработке: «В процессе разработки этой идеи стало возможным говорить не только, скажем, “как я понимаю культуру” (о чем говорилось и раньше), но и о том, как одна конкретная культура понимает другую или саму себя. Сейчас я думаю, что эта именно не осознаваемая нами тогда онтологизация метода неизбежно должна была нас привести к натурализации объекта — пределом чего и явилась лотмановская идея семиосферы» (Пяигорский, 1996а, с. 55). Герменевтический подход, в котором акцент делается на «понимающем я», также исходит из тех смыслов, которые заложены в тексте. Между тем, как замечает М. Мерло-Понти, «филологический анализ текстов ни к чему не приведет: в текстах мы находим лишь то, что сами в них вложили» (Мерло-Понти, 1999, с. 2). Путем интерпретации текстов мы всегда находим там себя как иного (или же иного как себя); в результате такой интерпретации мы понимаем, что представляет собой проживаемая той или иной культурой жизнь. Таким образом, оба подхода, несмотря на ценность каждого и отличия друг от друга, имеют нечто общее, поскольку принимают текст как данность.

Соответственно, следует обратить внимание на попытки преодолеть подобную наивность естественной установки сознания, то есть на стремление осуществить как можно более максимальный выход за текст (но не уход от текста). Так, в работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», отмечая важность текста как непосредственной действительности, М. Бахтин пишет: «Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование)» (Бахтин, 1979, с. 281). Важно, однако, не только трактовать философский подход от противного, то есть на основе отличий от других наук, но и осмыслить его в положительном плане, то есть на основе его самоидентичности как сходства с самим собой. Подобную сущность философии в самом общем виде можно представить «как критическую работу мысли над собой» (Фуко, 2004, с. 140); в этом плане философским является феноменологический анализ, который обращается к самому сознанию как сути нашего жизненного мира: каждый наш опыт — это прежде всего акт сознания не как проживание, а как переживание жизни.

Данный подход, который наиболее систематически разработан Э. Гуссерлем, мы находим у ряда его предшественников (как ученых,

так и философов), которые обращались к вопросам метафизики бытия и познания (Тульчинский, 2010, с. 33). Так, Ф. Бэкон разработал свое учение об «идолах» на основе феноменологического анализа текстов английских законов (Wheeler, 1999). Подобно тому как достигается истина в суде, наука должна представлять собой совокупность «испытанных» суждений о реальности. Задача науки — очистить наше восприятие от всяких «идолов»: только такое научное знание можно считать «чистым опытом». И. Кант смог разработать свою критику чистого разума, лишь оценив важность феноменологии, которая предохраняет науку от ограниченности и несовершенства чувственного знания. В одном из писем к И.-Г. Ламберту он писал: «метафизике должна предшествовать особая, впрочем чисто негативная, наука (*phaenomenologia generalis*), в которой будут определены значимость и границы принципов чувственности, дабы предотвратить их воздействие на суждения о предметах чистого разума» (Кант, 1980, с. 522). «Негативность» науки здесь следует рассматривать не как «разрушающую» деятельность, а, наоборот, как конструктивную работу мысли, направленную на определение основоположений науки. Философия, по словам Л. Витгенштейна, «призвана определить границы мыслимого и тем самым немислимого. Немислимое она должна ограничить внутри через мыслимое» (Логико-философский трактат, 4.114).

Таким образом, философия идет дальше, чем структурно-семиотический анализ текстов или их герменевтическая интерпретация, обращаясь к выявлению наиболее «чистого опыта» самого сознания. С этой точки зрения, как отмечает А. Пятигорский, текст в своем феноменологическом аспекте предстает как первичный объект, на который направлено наше сознание и который видится как он есть; «или, выражаясь точнее, понятие текста в этом случае может быть сведено к понятию способа, при помощи которого сознание, когда оно становится “сознающим что-либо”, объективизирует себя в конечных, дискретных и отдельных целых величинах, называемых “текстами”» (Пятигорский, 1996б, с. 56). Разумеется, иногда трудно поместить некоторых мыслителей в ряд или гуманитариев, или философов. Тем не менее в большинстве случаев, направляя наше сознание на творчество того или иного мыслителя как на целостный объект, мы можем выявить их сущность такой, какая она есть. Отмечают, например, что «Лотмана... можно считать представителем специфической русской метафизики, определить метод и направление которой невозможно» (Шелковников, 2012, с. 19). Но если метод и направление данной метафизики определить невозможно, то на каком основании Ю. Лотман считается ее представителем? Скорее всего, отнести Ю. Лотмана к философам затруднительно, поскольку он был по существу своему литературоведом, культурологом и семиотиком, как его традиционно и определяют в большинстве статей биографического характера. Когда же речь идет о М. Бахтине, отмечают, что его исследовательские интересы были связаны с «философскими основаниями гуманитарных наук и границами науки и философии в гуманитарном исследовании» (Попова, 2004, с. 103), а также

указывают на феноменологичность его идей (Микешина, 2017, с. 404). Не случайно М. Бахтин чаще всего считается в работах о нем философом, литературоведом и теоретиком культуры.

Важно также помнить, что «феноменологический мир не есть разъяснение предустановленного бытия, это основание бытия; философия не есть отражение предустановленной истины, это, как и искусство, осуществление истины... Никакая объяснительная гипотеза не может быть яснее, чем само действие, в котором мы принимаем незавершенный мир, пытаясь размышлять о нем и придавать ему целостность» (Мерло-Понти, 1999, с. 21). Тот способ, при помощи которого сознание становится «сознающим что-либо», — это прежде всего действие, в идеале направленное на слияние с миром. Именно о таком действии, как представляется, пишет М. Бахтин в «Философии поступка». Если в работах Ю. Лотмана мы находим взгляд, как бы более направленный на тексты со стороны, включая (глубокие) объяснения отраженного в них бытия, то в центре внимания М. Бахтина — категория поступления-поступка как «некая установка сознания, структура которой и будет нами феноменологически вскрыта» (Бахтин, 1994, с. 14), при этом отмечается, что «все, даже мысль и чувство, есть мой поступок» (Там же, с. 14), то есть, по сути, говорится об отождествлении себя с действием. Философия не может ограничиваться содержательно-смысловой стороной объективированного продукта (текста) в отвлечении от действительного акта-поступка, поскольку «только изнутри действительного поступка, единственного, целостного и единого в своей ответственности, есть подход и к единому и единственному бытию в его конкретной действительности» (Там же, с. 32).

7. Выше говорилось о невозможности определить «философский» метод Ю. Лотмана. В то же время отмечается, что, например, проблематизируя наше понимание художественного текста, М. Бахтин оперирует «в методологических границах философии, а не филологии» (Попова, 2005). Действительно, грань между гуманитарными науками и философией можно проводить на основании их разных методов.

Гуманитарная мысль, сосредотачиваясь на понимании текста, проявляет особую чувствительность к обусловленности любой интерпретации конкретными обстоятельствами, при этом оказывается, что задача интерпретации — восстановить как можно совершеннее первоначальный смысл текста — превращается в постоянный поиск. Именно в этом «заключается неразрешимое, “трагическое” противоречие между претензиями теории на универсальную общезначимость и тем, что историческое сознание релятивизирует все такие претензии, то есть противоречие между тем, что мы хотим обосновать, и тем, что мы можем обосновать» (Скирбекк, Гилье, 2000, с. 491). Данное противоречие как бы встроено в герменевтический подход, поскольку любое истолкование текстов направлено на достижение их предельных значений («горизонта»). Иногда к результатам гуманитарных исследований относятся скептически, так как каждый может по-своему прочесть текст и предложить свою версию того, что он значит. В гуманитарных (и прежде всего герменевтических) исследованиях, однако, принимается любая

интерпретация, если она раскрывает что-то новое в человеке — ср. абдукцию, которая часто рассматривается как вывод к лучшему объяснению. Тем не менее существует различие между выводом к лучшему объяснению и абдукцией (Mackonis, 2011, p. 16–17): первый объясняет закономерности, истинность которых подтверждается индуктивно, тогда как вторая имеет дело лишь с возможностями, каждая из которых является попыткой представить то или иное («лучшее», с точки зрения того, кто осуществляет данную попытку) понимание текста (не объяснение). Таким образом, именно абдукция выступает методом гуманитарных наук, которые обращаются к анализу текстов как неповторимых единичностей.

Как известно, Ч. Пирс считал, что абдукция — «единственный вид рассуждения, который создает новые идеи» (Peirce, 1958, p. 776–777). Между тем новые идеи могут возникать в результате и иного метода. Так, философская мысль, исходя из того же самого материала (текстов как неповторимых единичностей), пытается охватить (свести воедино) целостность всех явлений при помощи абдукции, которая «есть нелогическая операция перехода от царящего в реальном мире хаоса к интуитивной догадке или пробной гипотезе о фактической взаимосвязи, существующей между набором релевантных переменных. То, каким образом делается этот переход, относится к контексту открытия» (Блауг, 2004, с. 38). Суть абдукции составляют постулаты как наименее убедительные, но наиболее необходимые рассуждения. Именно это, как представляется, имел в виду М. Мамардашвили, когда говорил следующее: «То, что философы называют сознанием, есть сознание изменения склонения. Что-то склоняет нас к чему-то. Ощущение есть склонение... Побуждение является склонением (или наклонением). Мы склоняемся к чему-то. А сознание есть сознание изменения этого склонения — тогда мы знаем, что у нас есть сознание... И вот изменение своего склоняемого состояния — оно не от нас зависит, это мир склоняет нас, — изменение его, изменение склонения и есть сознание» (Мамардашвили, 1997, с. 191).

8. Когда мы читаем, что философия представляет собой критическую интерпретацию текстов (Harré, 2000, p. 15), то с этим можно согласиться. В то же время вряд ли можно видеть только в этом задачу философии подобно тому, как иногда, например, видится роль текста в лингвистических исследованиях, ср.: «...нужно переориентироваться с изучения абстрактной системы на изучение той единственной реальности, которая нам доступна. Текст — это наша единственная данность, и отвергать ее в пользу абстрактного языка методологически не всегда справедливо и правильно» (Плунгян, 2018, с. 9). Не отрицая всей важности текста, нельзя не согласиться с замечанием А. Пятигорского о том, «что текст — не единственный способ само-объективации сознания» (Пятигорский, 1996б, с. 56). Текст выступает исходным пунктом как для гуманитарных наук, так и для философии; но если гуманитарные науки путем абдукции приходят к представлению некой конкретной версии понимания, то философия постулирует всеобщие понятия, которые принимают форму некоего языка.

Важно отметить, что язык является «не средством представления уже познанной, но в гораздо большей степени — обнаружения доселе не познанной истины» (Гумбольдт, 1984, с. 319). Язык имеет особый статус, поскольку выступает основанием всего: не случайно мы говорим на языке, а не на речи, на дискурсе или на тексте; и не случайно говорят о явлениях языка, а не речи, дискурса или текста. Как писал А. Потебня, «язык есть *prius* («прежде». — *Примеч. сост.*): всякая последующая деятельность есть уже нечто более позднее, являясь вместе с тем и средством всякой последующей деятельности» (Потебня, 1999, с. 200). В этом свете особую значимость приобретает высказывание Ф. де Соссюра о том, что «надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (*logos*) для всех прочих проявлений речевой деятельности» (Соссюр, 1933, с. 48). В языке, таким образом, осуществляется не анализ текстов, а синтез понятий. По словам Ж. Делёза и Ф. Гваттари, «чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов» (Делёз, Гваттари, 2013, с. 14–15). Как представляется, именно поэтому при целостной оценке того или иного философа более осмысленным является выражение «Язык (философии) Платона», но не *«Текст (философии) Платона». На этом же основании можно считать, что в первую очередь «М. М. Бахтин был философом», сочиняя «как философ — новую систему» (Гаспаров, 2004, с. 8). Осмысление идей того или иного философа — это прежде всего «осваивание» некоего языка, то есть вокабуляра и грамматики; так, например, мы начинаем говорить «по-бахтински».

Сам М. Бахтин полагал, что исследовательская мысль может двигаться к двум полюсам: к языку (автора, жанра, эпохи и т. д.) и к неповторимому событию текста, отмечая, что «между этими двумя полюсами располагаются все возможные гуманитарные дисциплины» (Бахтин, 1979, с. 301). Действительно, если ограничиваться гуманитарными рамками, то правомерно потенциальный язык языков связывать со структурализмом или глоссематикой, как это делает Бахтин. Однако, как было уже сказано, Бахтин называет свой анализ философским, поскольку это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной анализ. Иначе говоря, его исследовательская мысль стремится преодолеть гуманитарные (и любые) рамки, давая возможность проявиться бытию и как бы «записывая» его язык в виде постулируемых понятий.

Таким образом, рассматривая текст и язык как способы само-объективации сознания, мы получаем ответ на вопрос, сформулированный Х.-Г. Гадамером в «Философии и поэзии»: «Там, где средством коммуникации служит язык, возникает вопрос об отношении философии и языковых форм искусства. Как соотносятся друг с другом обе эти предельные и вместе с тем контрарные формы употребления языка — замкнутый на себя поэтический текст и сам себя упраздняющий, выходящий за пределы всякой событийности язык понятия?» (Гадамер, 1991, с. 118).

9. Иногда кажется, что человек может изучаться вне текста, как это делается в естественных науках. Между тем, как нам напоминает

Э. Шрёдингер, «существует тенденция забывать, что все естественные науки связаны с общечеловеческой культурой и что научные открытия, даже кажущиеся в настоящий момент наиболее передовыми и доступными пониманию немногих избранных, все же бессмысленны вне своего культурного контекста» (Шрёдингер, 1976, с. 261). Разумеется, это относится и к философии. Поэтому, когда М. Бахтин призывает «не отрываться от текста» (Бахтин, 1979, с. 300), он, кажется, забывает о своих же словах: «человек в его человеческой специфике всегда... создает текст (хотя бы потенциальный)» (Там же, с. 285). Иначе говоря, философ не может оторваться от текста, ибо философствование предполагает (в том числе) анализ и интерпретацию как можно большего количества этих неповторимых единичностей в любой материальной форме: с семиотической точки зрения не только словесное, но любое сложным образом организованное смысловое целое представляет собой текст. Только таким способом можно ближе подойти к осмыслению всего бытия, в идеале слившись своим действием с его действием.

Текст — это наиболее удобный объект для исследования в силу своего зафиксированного характера. Между тем как сам объект, так и процесс его исследования — это всегда живой опыт, «мир, светящийся смыслом» (Шюц, 2004). Поэтому даже текст может «оживать», меняя свою форму, что мы видим сегодня на примере текстоидов — свободных конфигураций знаков, которые подлежат реконфигурации и которые «скорее ближе к тому, что М. Бахтин понимает под “высказыванием”» (Эпштейн, 2017, с. 417). Действительно, все текстоиды можно считать высказываниями, которые связаны друг с другом. Текстоидом является и мир в целом, поскольку он является живым, то есть постоянно меняющимся опытом; его можно представить как сообщение всех со всеми. Если высказываний много, то сообщение одно и выступает наиболее общим способом бытия. В этом смысле всю Вселенную можно рассматривать как способ само-объективации сообщения (Peters, 1999, p. 257). Такое рассмотрение вряд ли осуществимо в рамках одной науки (даже философии). То, что говорит М. Бахтин о высказывании, еще более применимо к сообщению, которое «не поддается описанию и определению в терминах и методах лингвистики и — шире — семиотики. Эта сфера... требует для своего изучения... особой науки (научной дисциплины)» (Бахтин, 1986, с. 359). Такой наукой можно считать «науку о коммуникации», которую правомерно рассматривать как отдельную научную дисциплину, только если признать, что это — «ортогональная проекция... всех возможных перспектив, некое положение без перспектив, из которого все они могут происходить... дом, видимый отовсюду» (Мерло-Понти, 1999, с. 101). Этот дом является всегда открытым не только тексту и не только философии, что мы попытались изложить в книге «Сообщение и забытие» (Клюканов, 2018).

Список литературы

Авдеев А. Житие преподобного Паисия Галичского. Исследования и тексты. М. : Изд-во ПСТГУ, 2009.

Алексеев А. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М. : Прогресс-Традиция, 2006.

Анисин А. Философия текста. Динамика текста // Топос: литературно-философский журнал. 2002. URL: <http://www.topos.ru/article/521> (дата обращения: 28.07.2019).

Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.

Бахтин М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986.

Бахтин М. Искусство и ответственность ; К философии поступка ; Автор и герой в эстетической деятельности ; Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / коммент. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. Киев : Некст, 1994.

Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. ; науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.

Гадамер Х.-Г. Что есть истина? // Логос. 1991. Вып. 1. С. 30–37.

Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения : матер. междунар. науч. конф. М. : Изд-во МГУ, 2004. С. 8–10.

Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 307–323.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. : Алетейя, 1998.

Дурилов А. Философия как текст. Доклад, подготовленный для II Всероссийской научной конференции «Сапоговские штудии. Актуальные вопросы гуманитарного знания». К 80-летию со дня рождения В.А. Сапогова. Кострома, 2019. URL: <http://m.kostromka.ru/philosophy/durilov/17.php> (дата обращения: 02.05.2019).

Золян С. Юрий Лотман о тексте: Идеи, проблемы, перспективы // НЛО. 2016. №3. С. 63–96.

Кант И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980.

Касавин И. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008.

Качай И. Неклассическая и современная философия. История учений в конспективном изложении. Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero. Б. м., 2017.

Клюканов И. Сообщение и забвение. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Кудряшов И. «Полезное»: В топку Рассела. С чего начать самостоятельное изучение философии? 2018. URL: <https://concepture.club/post/infopoloz/how-to-start-studying-philosophy> (дата обращения: 28.07.2019).

Лотман Ю. Культура и взрыв. М. : Гнозис ; Изд. группа «Прогресс», 1992.

Лотман Ю. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и таргуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев. М. : Гнозис, 1994. С. 17–263.

Мамардашвили М. Психологическая топология пути (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб. : Изд-во РХГИ, 1997.

Манаков Н., Москальчук Г. Текст как природный объект // Педагог: Наука, технология, практика. 1999. №2 (7). С. 58–62.

Москальчук Г., Манаков Н. Форма текста как многоуровневый конструкт // Знание. Понимание. Умение. 2014. №4. С. 291–302. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/4/Moskalchuk_Manakov_Multilayer-Construction/ (дата обращения: 02.05.2019).

- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб. : Ювента ; Наука, 1999.
- Микешина Л.* Время // *Summa culturologiae* : энциклопедия. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. Т. 1. С. 398–404.
- Плунгян В.* Лингвистика в XX веке: Проблемы, перспективы, точки роста // Слово.ру: балтийский акцент, 2018. Т. 9, №1. С. 7–12.
- Попова И.* О границах литературоведения и философии в работах М.М. Бахтина // *Русская теория 1920–1930-е годы* : матер. 10-х Лотмановских чтений / сост. и отв. ред. С. Зенкин. М. : РГГУ, 2004. С. 103–114.
- Попова И.* Книга М.М. Бахтина о Рабле в контексте идей школы Фосслера (к постановке проблемы) // *Новый филологический вестник*. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-m-m-bahtina-o-rable-v-kontekste-idey-shkoly-fosslera-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 09.08.2019).
- Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // *НЛЮ*. 2012. №113. С. 27–36.
- Потебня А.* Мысль и язык. М. : Лабиринт, 1999.
- Пяигорский А.* Избр. тр. М. : Языки русской культуры, 1996а.
- Пяигорский А.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М. : Языки русской культуры, 1996б.
- Руднев В.* Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997.
- Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / пер. с англ. В.И. Кузнецова ; под ред. С.Б. Крымского. М. : Владос, 2000.
- Соболевская Е.* Пратекст и текст (Философские аспекты искусства) // *Докса* : зб. наук. пр. Одеса, 2004. Вып. 6 : Мова, текст, культура. С. 260–267. URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/1347> (дата обращения: 09.05.2019).
- Сосюр Ф.* Курс общей лингвистики. М. : Соцэкгиз, 1933.
- Степанов Ю.* Филология // *Русский язык* : энциклопедия. М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997.
- Тулчинский Г.* Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. №1. С. 35–51.
- Шелковников А. Ю.М.* Лотман – философ // *Преподаватель XXI век*. 2012. №3. С. 16–20.
- Шрёдингер Э.* Избр. тр. по квантовой механике. М. : Наука, 1976.
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М. : Петрополис, 1998.
- Эшттейн М.* Проективный словарь гуманитарных наук. М. : НЛЮ, 2017.
- Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с фр. В. Кашлуна. СПб. : Академический проект, 2004.
- Eco U.* Six walks in the fictional woods. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2011.
- Groys B.* Introduction to Antiphilosophy. N. Y. : Verso Books, 2012.
- Harré R.* One Thousand Years of Philosophy. Oxford : Blackwell, 2000.
- Jaroszynski P.* Science in culture. Amsterdam : Rodopi, 2007.
- Lewis S.* News and society in the Greek polis. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1996.
- Mackonis A.* Inference to the best explanation: The limits of truth-conduciveness : PhD thesis. Vilnius, 2011.
- McKeon R.* On knowing – the natural sciences. Chicago : The University of Chicago Press, 1994.
- Peirce Ch. S.* Collected Papers. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1958.

Peters J. Speaking into the air: A history of the idea of communication. Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 1999.

Petersen A. The philosophy of Niels Bohr // Niels Bohr: A centenary volume / ed. by A.P. French, P.J. Kennedy. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1985.

Smith J. Who's afraid of postmodernism?: Taking Derrida, Lyotard, and Foucault to church. Grand Rapids : Baker Academic, 2006.

Wheeler H. Francis Bacon's «Verulamium»: The common law template of the modern in English science and culture // Angelaki. 1999. Vol. 4 (1). P. 7–26.

Об авторе

Игорь Энгелевич Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточный университет штата Вашингтон, США.

E-mail: iklyukanov@ewu.edu

Для цитирования:

Клюканов И. Э. «Тяга за текст»: философские заметки // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 18–33. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2.

'REACHING OUT' BEYOND THE TEXT: PHILOSOPHICAL NOTES

*I. E. Klyukanov*¹

¹ Eastern Washington University
526, 5th Str., Cheney, WA 99004, USA

Submitted on August 12, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2

In this article, I define the concept of text and briefly discuss the related concepts of speech and discourse. I demonstrate how the humanities treat texts and examine the structural-semiotic and the hermeneutic approach. Further, I identify both the differences between these approaches and the similarities in the ways they interpret texts. I argue that the philosophical approach seeks to go beyond the text as far as possible without leaving it altogether and stress that the divide between the humanities approach and the philosophical approach to the text lies in their methods. I emphasise that language has a synthesizing role within the philosophical approach to the text. Finally, I draw attention to the 'science of communication', within which the message as a whole is conceptualized.

Keywords: *text, semiotics, hermeneutics, philosophy, phenomenology, method, language.*

References

Avdeev, A., 2009. Zhitie prepodobnogo Paisiya Galichskogo [The life of Saint Paisii Galichski. Investigations and texts]. Moscow: PSTGU Publishing House (in Russ.).

Alekseev, A., 2006. Filosofskii tekst: idei, argumentatsia, obrazy [Philosophical text: ideas, arguments, images]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russ.).

Anisin, A., 2002. Philosophy of the text. Text dynamics. Topos. Literaturno-filosofskii zhurnal [Topos. A literary-philosophical journal]. Available at: <http://www.topos.ru/article/521> [Accessed 28 July 2019] (in Russ.).

Bakhtin, M., 1979. Estetika slovesnogo tvorchestva [The aesthetics of verbal creation]. Moscow: Iskusstvo (in Russ.).

Bakhtin, M., 1986. The problem of text in linguistics, philology and other human sciences. An attempt at philosophical analysis. In: M. Bakhtin, ed. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russ.).

Bakhtin, M., 1994. Art and responsibility; To the philosophy of action; Author and hero in aesthetic activity; The problem of content, material and form in verbal art. In: M. Bakhtin, ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Kiev: Next (in Russ.).

Blaug, M., 2004. *Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili kak ekonomisty ob'yasnyaut* [The methodology of economics: Or, how economists explain]. Moscow, NP "Zhurnal Voprosy ekonomiki" (in Russ.).

Gadamer, H.-G., 1991. What is truth? *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. A philosophic-literary journal], 1, pp. 30–37 (in Russ.).

Gasparov, M., 2004. The history of literature as art and investigation: Bakhtin's case. In: Kormilov S., ed. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Russkaya literatura XX–XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya* [Materials of the International Scientific Conference: Russian Literature of the 20th–21st Centuries: Problems of Theory and Methodology of Study]. Moscow, 10–11 November 2004. Moscow: MGU. pp. 8–10 (in Russ.).

Gumbol'dt, V., 1984. On the comparative study of language and its relation to the different periods of language development. In: V. Gumbol'dt, ed. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress. pp. 307–323 (in Russ.).

Delez, Zh., Gvattari, F., 1998. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg: Aleteia (in Russ.).

Durilov, A., 2019. Philosophy as text. In: *II Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya: Sapogovskie shtudii. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* [II All-Russian Scientific Conference: Sapogovsky Studies. Actual issues of humanitarian knowledge]. Kostroma, 2 March 2019. Kostroma. Available at: <http://m.kostromka.ru/philosophy/durilov/17.php> [Accessed 2 May 2019].

Zolyan, S., 2016. Lotman on text: Ideas, problems, perspectives. *Novoe Literaurnoe Obozrenie* [New Literary Review], 3, pp. 63–96 (in Russ.).

Kant, I., 1980. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow: Nauka (in Russ.).

Kasavin, I., 2008. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. An introduction to the social epistemology of language]. Moscow: Kanon+, ROOI "Rehabilitation" (in Russ.).

Kachai, I., 2017. *Neklassicheskaya i sovremennaya filosofiya. Istoriya uchenii v konspektivnom izlozhenii* [Nonclassical and modern philosophy. A synoptic history of teachings]. Ridero (in Russ.).

Klyukanov, I., 2018. *Soobchenie i zabytie* [Message and forgetting]. Moscow; St. Petersburg: The Center of the Humanities Initiatives (in Russ.).

Kudryashev, I., 2018. "Poleznoe": V topku Rassela. S chego nachat' samostoyatel'noe izuchenie filosofii? ["The useful": in Russel's furnace. Where to begin unaided study of philosophy?]. Available at: <https://concepture.club/post/infopoloz/how-to-start-studying-philosophy> [Accessed 28 July 2019] (in Russ.).

Lotman, Yu., 1992. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. M.; Gnozis (in Russ.).

Lotman, Yu., 1994. Lectures on structural poetics. In: A. Koshelev, ed. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow: Gnozis. pp. 17–263 (in Russ.).

Mamardashvili, M., 1997. *Psikhologicheskaya topologiya puti (M. Prust 'V poiskakh utrachennogo vremeni')* [The psychological topology of the way (M. Proust's 'The remembrance of things past')]. St. Petersburg: RKHGI Publishing house (in Russ.).

Manakov, N., Moskal'chuk, G., 1999. Text as a natural object. *Pedagog: Nauka, tekhnologiya, praktika* [Pedagogue: Science, technology, practice], 2 (7), pp. 58–62 (in Russ.).

Moskal'chuk, G., Manakov, N., 2014. *Forma teksta kak mnogourovnevnyi konstrukt* [The form of text as a multi-level construct]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. № 4. pp. 291–302. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/4/Moskalchuk_Manakov_Multilayer-Construction/ [Accessed 2 May 2019].

Merlo-Ponti, M., 1999. *Fenomenologiya vospriyatiya* [The phenomenology of perception]. St. Petersburg: Yuventa, Nauka (in Russ.).

Mikeshina, L., 2017. Time. In: *Summa culturologiae. Entsiklopediya* [Summa culturologiae. An encyclopedia]. Vol. 1. St. Petersburg: The Center of the Humanities Initiatives. pp. 398–404 (in Russ.).

Plungyan, V., 2018. Linguistics in the XXth century: Problems, perspectives, points of growth. *Slovo.ru: the Baltic accent*, 9(1), pp. 7–12 (in Russ.).

Popova, I., 2004. On the boundaries of literary study and philosophy in the works of M. M. Bakhtin. In: Zenkin S., ed. *Materialy 10-kh Lotmanovskikh chtenii: Russkaya teoriya 1920–1930-e gody* [Materials of the 10th Lotman readings: Russian theory 1920–1930s]. Moscow: RGGU. pp. 103–114 (in Russ.).

Popova, I., 2005. The book of M. M. Bakhtin about Rabelais in the context of the ideas of the Fossler school (to the statement of the problem). *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-m-m-bahtina-o-rable-v-kontekste-idey-shkoly-fosslera-k-postanovke-problemy> [Accessed 09 August 2019] (in Russ.).

Poselyagin, N., 2012. An anthropological turn in the Russian humanities. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 113, pp. 27–36 (in Russ.).

Potebnya, A., 1999. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow: Labyrinth (in Russ.).

Pyatigorskii, A., 1996a. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.).

Pyatigorskii, A., 1996b. *Mifologicheskie razmyshleniya. Lektsiya po fenomenologii mifa* [Mythological meditations. Lectures on the phenomenology of myth]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.).

Rudnev, V., 1997. *Slovar' kul'tury XX veka* [A dictionary of the XX century culture]. M.: Agraf (in Russ.).

Skribekk, G., Gil'e, N., 2000. *Istoriya filosofii* [A history of philosophy]. Moscow, Vlados (in Russ.).

Sobolevskaya, E., 2004. Pratekst and text (Philosophic aspects of art). *Doksa*, 6, pp. 260–267. Available at: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/1347> [Accessed 09 May 2019] (in Russ.).

Sossyur, F., 1933. *Kurs obchei lingvistiki* [A course in general linguistics]. Moscow: Sotsekgiz (in Russ.).

Stepanov, Yu., 1997. Philology. In: *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. An encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya russkaya entsiklopediya, Drofa (in Russ.).

Tul'chinskii, G., 2010. A shift in the humanities paradigm, a transcendal subject and posthuman personology. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 5 (1), pp. 35–51 (in Russ.).

Shelkovnikov, A., 2012. Yu. M. Lotman – a philosopher. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI century], 3, pp. 16–20 (in Russ.).

Shredinger, E., 1976. *Izbrannye trudy po kvantovoi mekhanike* [Selected works in quantum mechanics]. Moscow: Nauka (in Russ.).

Shyults, A., 2004. *Izbrannoe: Mir, svetyachiysya smyslom* [Selected works: The world lit by meaning]. Moscow: ROSSPEN (in Russ.).

Eco, U., 1998. *Otsutstviyuchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The absent structure. An introduction into semiology]. Moscow: Petropolis (in Russ.).

- Epstein, M., 2017. *Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk* [A projective dictionary of the human sciences]. Moscow: NLO (in Russ.).
- Fuko, M., 2004. *Ispol'zovanie udovol'stvii. Istroiya seksual'nosti* [The use of pleasure. The history of sexuality]. Vol. 2. St. Petersburg: Akademicheskii proekt (in Russ.).
- Eco, U., 2011. *Six Walks in the Fictional Woods*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Groys, B., 2012. *Introduction to Antiphilosophy*. New York: Verso Books.
- Harré, R., 2000. *One Thousand Years of Philosophy*. Oxford, Blackwell.
- Jaroszynski, P., 2007. *Science in Culture*. Amsterdam: Rodopi.
- Lewis, S., 1996. *News and Society in the Greek Polis*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Mackonis, A., 2011. *Inference to the Best Explanation: The Limits of Truth – conduciveness*. PhD. Vilnius.
- McKeon, R., 1994. *On Knowing – the Natural Sciences*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Peirce, Ch. S., 1958. *Collected Papers*. Cambridge, MA; Harvard University Press.
- Peters, J., 1999. *Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Petersen, A., 1985. The Philosophy of Niels Bohr. In: A.P. French, P.J. Kennedy, eds. *Niels Bohr: A Centenary Volume*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Smith, J., 2006. *Who's Afraid of Postmodernism? Taking Derrida, Lyotard, and Foucault to Church*. Grand Rapids: Baker Academic.
- Wheeler, H., 1999. Francis Bacon's 'Verulamium': The Common Law Template of the Modern in English Science and Culture. *Angelaki*, 4 (1), pp. 7–26.

The author

Prof. Igor E. Klyukanov, East Washington University, USA.
E-mail: iklyukanov@ewu.edu

To cite this article:

Klyukanov, I.E. 2019, 'Reaching out' beyond the text: philosophical notes. *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 18–33. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2.